

Юрий Цаплин
Україна, Харків

Juri Zaplin
Ukraine, Charkiw

Город фанерных окон

Возвращение

Со второй женой
(хирургической медсестрой)
и взрослой дочерью
(наверное, студенткой)
Игорь вернулся
в квартиру, где жил в детстве

На первом этаже
Откуда ходил в школу

Мать умерла раньше
на ступенях метро
Отец сгорел за три месяца
Полжизни прошли в другом городе

И вот снова
тот же двор
та же близорукая лавочка
те же дорожки —
и те же люди идут
на родник и на рынок
Иногда проваливаясь под землю
Порой выпадая из низких облаков

* * *

Кирпичный кирпич домов
и синее небо неба
Белые облака и балконы
(Ну ладно, балконы разные
и разные, общеизвестно, облака)
Вот что, как прежде, меня трогает
Пока не тронула меня сухой лапкой смерть
Пока трогает она других
(Русская смерть
Прямо сейчас)

* * *

Переходя из микрорайона в микрорайон,
видишь то же самое и разное.
И там, и здесь выгуливают мопса
хозяйка в пегом платье, хозяин в клетчатой рубашке.
И здесь, и там кричит ребёнок
членораздельное, неважное, тотчас забытое.
Только ноту и помнишь: протяжное «ля» в одном случае,
гнусавое «до» в другом.
И всюду, всюду киоск с овощами, киоск с молочным, киоск со сдобой,
морозилка с мороженым и варениками, хлебный, мясной, тысяча мелочей.
Мы возвращаемся к тому, с чего начали:
описанию мира, который нам предстоит
и останется после нас. А тот же он или изменился —
как посмотреть. Смотреть — вот что стоит, и не стоит судить,
что важно, а что нет.
Слушать, слышать. Записать.
Припомнить перед тем, как оставить,
будто переходя из микрорайона в микрорайон.

Про стрижа

Большую часть
маленькой жизни
я верил, что всё будет хорошо.
Что всё обойдётся.
И эта вера
привела меня к обрыву.

У обрыва стоял мусорный бак
по имени Иоганн Себастьян
и посвистывал на ветру
дырочками от осколков.

Обрыв был полон стрижиных нор.
Стрижи верещали вверху, внизу и везде.
Голос Иоганна Себастьяна был негромок.
Я попытался подпеть ему, не размыкая губ.

Стрижи летали как бешеные, т. е. полноправно.
Иоганн Себастьян слегка покачивался,
будто дирижировал мирозданием.
Я вспомнил свой дом и почти закончившийся настольный календарик.

Всё будет хорошо, сказал Иоганн.
Всё обойдётся, сказал Себастьян и, пошатнувшись, страшно завыл.
Ветер толкнул меня в спину.
Я раскрыл крылья и с тех пор больше никогда не ходил по земле.

Горы и море (Minimal music)

А что, если бы из нашего города было видно горы.
А что, если бы из нашего города было видно море.
А что, если бы из нашего города было видно счастье.
А, нет, так было — и все говорили: «Ничего особенного,
всякий бывает счастлив — хотя приятно, конечно».
И с горами и морем было бы, наверное, так же.
А хотелось бы, чтобы было иначе,
если бы из нашего города были видны горы,
если бы из нашего города было видно море,
если бы из нашего города была видна радость,
хотя так тоже было — и все говорили: «Ничего особенного,
всякий бывает рад — но приятно, конечно», —
и с горами и морем было бы, наверное, так же,
а хотелось бы, чтобы иначе.

Канал

Рыбаки на льду сидят каждый вокруг лунки своей.
А меж них пробегают
грациозные конькобежники крупночреслые.
И кто-то большой
везёт на санках кого-то большого:
бывший ребёнок ребёнка будущего.
Откуда вдруг столько плодоносных мотивов
посреди этой страшной зимы?
А может, её родили рыбы,
чтобы отдохнуть от нас,
но не получилось.
И зачем синицы такие круглые?
И хоккеисты приехали
на внедорожниках и седанах,
проскребли себе
прямоугольное окошко во тьму,
скользят по нему —
и они-то как раз
и кажутся почему-то самыми маленькими.

Солнечно возле спортклуба «Темп»

Быстрый старушечий голос лучше медленного.
Может быть, бодрость и энтузиазм никогда её не покинут
даже в... аду? раю? Точно — моей памяти,
проходившего рядом бородатого дядьки хрена-
тидесети лет. Что ему та старушка?
У подъезда, где в двадцать втором убило мужчину.
Что прилетело, не помню: так и не выучил
средств поражения нас. А старушка бодра,
хороший день, может, побывала в Европе, вернулась,
может, вернёмся и мы когда-то в себя
и к себе, тем прежним?

(Нет, ничего не вернётся. Кроме лета, конечно.)

Сон

Вчера мы долго говорили о жизни
и вспомнили книгу о войне.
Книга многое бы нам объяснила.

Сегодня пошли в библиотеку.

Одно крыло библиотеки дымилось,
но другое было целым.

Хромая библиотекарьша принесла формуляр.

Там было написано,
что мы уже выданы этой книге
и в ней живём.

Из букваря для одиноких детей

Историю пишет тварь.
Историю пишет убийца.
Историю пишет смерть.
Историю пишет навязавший волю.
И только ерунду пишет кто попало:

абсурдные скетчи, накуренный рэп, анекдоты с неудавшейся кодой,
песни из одного куплета, дневники без событий и смысла, наставления
неродившимся,
портреты демонов, пейзажи выдуманных планет.
Многобожие чепухи — единственная наша религия,
вера потомственных сирот, осенённая крыльями нетопырей и стрекоз,
прыжок паучьей надежды, заплыв полёвки, рекордный нырок пирныкозы.